

Орфография текстов сохранена, что следует отметить как достоинство публикации.

Оригиналам предшествуют списки использованных рукописей и печатных изданий. К каждому оригиналу даны примечания историко-филологического характера, показывающие исключительную тщательность изучения памятников А. С. Анасяном. Все примечания в значительной мере облегчают изучение текста.

Предпосланное публикации исследование А. С. Анасяна хорошо вводит в изучение всех трех памятников. На наш взгляд, не убедительны лишь некоторые частные утверждения автора, из которых отметим два. 1) На стр. 93 он говорит, что Абраам Анкирский и Аракек Багешский «принадлежали к высшим армянским слоям...» Но из материалов книги не видно, к каким именно слоям они относились. 2) На стр. 96 автор утверждает, что падение Константинополя «было крайне тяжело воспринято как высшими слоями армянских феодалов, духовенства, интеллигенции, так и широкими массами армянского народа...». Правомерно ли в таком контексте, применительно к условиям средних веков, пользоваться термином интеллигенция?

Но несмотря на все сделанные выше замечания, можно со всей решительностью утверждать, что работа, проделанная А. С. Анасяном, окажется очень полезной и не только для историков Византии, но и для лингвистов и филологов, так как она, несомненно, значительно облегчит дальнейшее изучение и использование трех интересных исторических памятников.

И. К. Кусикьян

BYZANTINOSLAVICA — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ (1947—1956)

Вскоре после окончания Второй мировой войны по инициативе группы чехословацких славистов и византинистов (М. Пауловой, В. Гавранека, А. Достала и других) в Праге возобновилось издание «Byzantinoslavica», научного журнала по византиноведению, выходявшего здесь еще в предвоенные годы. По замыслу его редакторов, журналу предстояло играть важную роль, способствуя обмену мнениями между историками, работающими в странах народной демократии и в СССР, и учеными капиталистических стран. Не приходится говорить, что укрепление связей между учеными разных стран имеет чрезвычайно важное значение, ибо они содействуют установлению взаимопонимания между народами и являются, в конечном итоге, вкладом в дело мира. При этом, разумеется, пропаганда марксистской методологии должна быть одной из самых важных задач такого журнала.

Журнал «Byzantinoslavica» выходит, как правило, двумя полутомами в год. Каждый полутом состоит из трех разделов. В первом из них публикуются исследовательские статьи по самым различным проблемам византиноведения и смежных исторических дисциплин (нумизматика, археология, славянская филология и т. п.) — именно этот раздел и будет в дальнейшем предметом специального рассмотрения. Во втором разделе печатаются рецензии — иногда обширные, иногда сравнительно краткие — на публикации, монографии, журнальные статьи, в том числе и на труды со-

ветских ученых¹. В томе 9, вместо рецензий, были опубликованы обзоры состояния византиноведения в разных странах в годы Второй мировой войны, когда обмен информацией был до крайности затруднен; эти обзоры посвящены византиноведению в СССР, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Югославии, Англии, Франции, США, Турции. Последний раздел журнала — это аннотированная библиография, имеющая задачей информировать читателя о всех византиноведческих новинках как книжных, так и статейных; библиографический материал располагается в систематическом порядке и удобен для обозрения.

Чрезвычайно широк круг авторов, принимающих участие в «Byzantinoslavica». Наряду с византинистами из Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Польши, ГДР, Румынии, в журнале активно сотрудничают ученые США (П. Харанис), Франции (Р. Гийан, Ж. Верпо, Дель Медико, А. Гийу и др.), Великобритании (Дж. Хассей, Д. Талбот Райс) и иных капиталистических стран. Можно только пожелать, чтобы советские историки более активно выступали на страницах пражского журнала византинистов: ведь до 1956 г. в нем появлялись только информационные статьи советских ученых², но не было опубликовано ни одной исследовательской работы, ни одной рецензии; даже в библиографическом отделе советские авторы не принимают участия, что не может не отразиться на полноте библиографических данных: известия о статьях и книгах, выходящих в наших периферийных издательствах, иногда очень запаздывают, а то и вовсе не появляются. Советские византинисты должны внести свой вклад в пропаганду марксистского мировоззрения на страницах этого журнала.

Переходя к рассмотрению статей первого раздела «Byzantinoslavica», мы хотели бы отметить прежде всего две работы видного венгерского ученого, одного из крупнейших современных византинистов, Д. Моравчика, в которых он характеризует современное состояние нашей науки и намечает стоящие перед ней задачи³. Д. Моравчик, несомненно, прав, когда он подчеркивает необходимость планомерной организации научно-исследовательской работы и критикует инициаторов византиноведческих конгрессов 1951 и 1953 гг. за бессистемность тематики докладов, за излишнее внимание к частным вопросам.

По мнению Д. Моравчика, наиболее актуальными задачами являются следующие: создание общего курса византиноведения, составление полного

¹ Здесь были опубликованы следующие рецензии на работы советских исследователей: Д. Ангелова — на книгу Н. В. Пигулевской «Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.» (BS, v. 10, 1949, p. 61—68); Я. Мысливец — на статью Н. И. Брунова «Архитектура Константинополя IX—XII вв.» (BS, v. 11, 1950, p. 104—108); В. Моде — на книгу В. Н. Лазарева «История византийской живописи» (BS, v. 12, 1951, p. 238—252); М. Пауловой — на «Сборник документов по социально-экономической истории Византии» (BS, v. 13, 1952, p. 137—138); А. Достал — на ряд советских работ, рассматривающих вопрос о «Слове о полку Игореве» (BS, v. 13, 1952—1953, p. 282—300); И. Дуйчева — на «Историю культуры древней Руси» (Там же, p. 320—324); А. Достал — на книгу Н. К. Гудзия «История древней русской литературы» (Там же, p. 324—326); Г. Капесовой — на книгу Н. В. Пигулевской «Византия на путях в Индию» (Там же, p. 334—341); Г. Капесовой — на книгу А. П. Каждана «Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.» (BS, v. 15, 1954, p. 42—50); А. Флоровского — на статью С. В. Бернштейн-Коган «Путь из варяг в греки» (Там же, p. 52); Б. Застеровой — на статью Э. В. Удальевой «О внутренних причинах падения Византии в XV в.» (Там же, p. 236—241); И. Дуйчева — на «Памятники права Киевского государства», вып. 1 (Там же, p. 255—258); к сожалению, в двух последних томах (16 и 17) нет ни одной рецензии на советские работы.

² См. например, Н. С. Лебедев, Византиноведение в СССР, 1936—1946 гг. BS, v. 9, 1947, стр. 97—112; Z. V. Udalcova, Les problèmes fondamentaux de la byzantologie et la science historique soviétique. BS, v. 17, 1956, p. 195—219.

³ Gy. Moravcsik, Les taches actuelles de la byzantinologie. BS, v. 10, 1949, p. 1—10; его же, L'état et les taches de la byzantologie, BS, v. 16, 1955, p. 1—19.

описания византийских археологических памятников и общего каталога византийских рукописей, критическое издание византийских источников, издание сводки источников о связях Византии с соседними народами (Болгария, Сербия и т. д.)⁴, публикация переводов византийских авторов, издание византийских актов и корпуса надписей, составление пособия по дипломатике, создание исторической грамматики и словаря греческого языка византийской эпохи и т. д. Д. Моравчик рассматривает далее ряд филологических, палеографических, искусствоведческих и географических проблем; переходя в конце статьи к собственно историческим вопросам, он, к сожалению, несколько меняет характер изложения и останавливается более на достигнутом, нежели на том, что еще предстоит сделать.

Статьи Д. Моравчика не могут не вызвать очень большого интереса. Не случайно в последнее время появилось еще несколько статей⁵, имеющих примерно такой же характер⁶.

Переходя к собственно исследовательским статьям, опубликованным в «Byzantinoslavica», сразу же следует отметить, что большинство из них посвящено проблемам, которые действительно являются наиболее интересными и важными.

Уже в первом послевоенном номере журнала была опубликована обширная статья известного югославского ученого Г. А. Острогорского, посвященная византийским писцовым книгам⁷. Эта статья знаменовала, по сути дела, поворот в зарубежной византистике, которая до того времени не уделяла достаточного внимания проблеме феодальных отношений в Византийской империи и, более того, отвергала самую возможность признать феодальный характер византийских общественных отношений, допуская в лучшем случае лишь существование отдельных феодальных институтов.

За работой Г. Острогорского последовала тоже обширная статья американского исследователя П. Хараниса, озаглавленная «К вопросу о социальной структуре и экономической организации Византийской империи в XIII и последующих столетиях»⁸. Уже к моменту выхода в свет этого исследования П. Харанис был известен своим интересом к проблемам социально-экономической истории. Однако его первым работам были присущи значительные недостатки, определяющиеся, в конечном счете, системой идеалистического мировоззрения: хотя П. Харанис и исследовал вопросы социального развития Византии, корни этого развития он искал за пределами экономических и социальных явлений; по его мнению, два фактора определяли историю Византии, и этими факторами были война и ре-

⁴ К указанному Д. Моравчиком, следовало бы добавить, что назрела настоятельная потребность в издании полного свода Byzantinorossica; первоначально в виде указателя всех известных византийских авторов о Древнерусском государстве, а затем и сборника соответствующих текстов и переводов.

⁵ См., например, J. Irmischer. *Zukunftsaufgaben der Byzantinistik*. «Blick in die Wissenschaft», 1948, № 4, S. 181—185; F. Dölger. *Aufgaben der byzantinischen Philologie von heute*. «Das Altertum», Bd. I, 1955, S. 44—48. Первая из этих работ не упомянута Д. Моравчиком.

⁶ К сожалению, ни в одной из этих статей не была выдвинута задача создания «реальной энциклопедии» по византистике, подобной немецкой энциклопедии по классической древности Паули-Виссова. Издание такой энциклопедии подвело бы итоги достигнутому во всех отраслях нашей науки и во многом облегчило бы дальнейшие изыскания.

⁷ Г. Острогорский. *Византийские писцовые книги*. BS, v. 9, 1948, стр. 203—306. Мы уже имели возможность на страницах Византийского вестника остановиться на характеристике этой статьи (ВВ, т. 10, 1956, стр. 219 сл.) и потому не считаем сейчас необходимым подробно говорить о ней.

⁸ P. Charanis. *On the social structure and economic organization of the Byzantine empire in the thirteenth century and later*. BS, v. 12, 1951, p. 94—153.

лигия⁹. Кроме того, в первых работах П. Харанис останавливался почти исключительно на судьбах господствующего класса; в соответствии с этим процесс феодализации в его изображении сужался и представлял лишь одной своей стороной — изменением положения духовной и светской землевладельческой знати¹⁰. О крестьянах в этих работах он упоминал лишь мимоходом.

Работа П. Хараниса, появившаяся на страницах «Byzantinoslavica», в этом отношении выгодно отличается от его первых исследований. Она привлекает уже самой попыткой обрисовать судьбы византийской деревни и города в их взаимосвязи, порывая с традицией изолированного рассмотрения аграрной и городской истории. Но наиболее интересное в статье П. Хараниса — это попытка исследовать судьбы крестьянства. В своей работе он ставит два основных вопроса:

1) Существовало ли свободное крестьянство в последний период византийской истории?

2) Каковы были категории зависимых крестьян?

Отвечая на первый вопрос, П. Харанис проделал детальный анализ тех терминов (эпик, ктитор, элевтер и т. д.), в которых некоторые исследователи пытались видеть свободных крестьян, и показал, что метод филологического анализа терминологии, примененный его предшественниками, не дал убедительных результатов. Сам П. Харанис на основании в первую очередь эпирских грамот, изданных в конце XIX в. кардиналом Питрой, признает, что некоторое количество свободных крестьян все же могло сохраняться в Византии XIII в. К сожалению, П. Харанису осталась неизвестной работа болгарского ученого Д. Ангелова, специально посвященная этим же документам¹¹.

Меньшее значение имела другая часть этой статьи, посвященная выяснению наличия в Византии градуированной зависимости крестьянства, столь характерной и для западного средневековья. Дело в том, что здесь П. Харанис прибег к тому самому методу филологического истолкования терминов, который он только что подверг убедительной критике. В частности, нельзя признать достаточно аргументированной попытку П. Хараниса провести разграничение между париками и просафименами (BS, v. 12, p. 141 sq.). Именно потому, что в основу классификации был положен терминологический принцип, а не реальные рентные отношения, П. Харанис пришел в конечном счете к обедняющему действительность выводу, что все византийское зависимое крестьянство разделялось почти исключительно на две группы: париков, обладавших элементарными владельческими правами, и дулевтопариков — неимущих бедняков; обе эти категории состояли из лично свободных людей, находившихся лишь в поземель-

⁹ P. Charanis. On the social structure of the Later Roman empire. Byz., v. 17, 1944—1945 (1945), p. 57. Мы в свое время указали на ошибочность этого тезиса (ВДИ, 1950, № 1, стр. 167); полемизируя с нами, П. Харанис в 1953 г. вновь повторил свою мысль (P. Charanis. Economic factors in the decline of the Byzantine empire. «Journal of Economic History», v. 13, 1953, № 4, p. 413). Однако следует отметить, что на этот раз ошибочный тезис П. Хараниса не повлиял на конкретное изложение фактического материала: в этой статье П. Харанис не выводит социальный строй из военных реформ и военных неудач, а, наоборот, объясняет военные неудачи, исходя из социальных условий (ibid., p. 415, 420).

¹⁰ P. Charanis. The monastic properties and the state in the Byzantine empire. «Dumbarton Oaks Papers», v. 4, 1948; его же. The aristocracy of Byzantium in the XIIIth century. «Studies in Roman economic and social history in honor of A. Ch. Johnson». Princeton, 1951.

¹¹ Д. Ангелов. Принос към народностните и поземлени отношения в Македония (Епирска деспотат) през първата четвърт на XIII век. «Известия на Камарата на народна култура. Серия: Хуманитарни науки», т. 4, 1947, № 3.

ной зависимости, — класс крепостных крестьян в Византии XIII в., по мнению П. Хараниса, не существовал (BS, v. 12, p. 144).

С этим суждением П. Хараниса трудно согласиться: чтобы усомниться в справедливости тезиса об отсутствии в поздней Византии крепостничества, достаточно вспомнить, что в схолии к одной из поздних рукописей «Земледельческого закона» (XV в.) мы встречаем разрешение продавать крестьян (τοὺς γεωργούς) без земли¹². Опись владений Кефалонийской епископии (1262 г.) провозглашала, что парики должны принадлежать церкви «до последнего их дыхания» (MM, V, p. 44.15). Грамота 1319 г., пожалованная горожанам Янины, запрещала им принимать в свои владения чужого парика (MM, V, p. 83.20). Византийские феодалы могли переводить своих париков на новые места (Хил., № 17.37) и дарить их: так, в описи монастыря Спилеотиссы упомянут парик Феодосий Серб, подаренный монастырю каким-то стратиотом из Мельника¹³; кого, наконец, как не крепостных, мог означать редкий термин *παροικοί φυσικοί*¹⁴?

К сожалению, в дальнейших томах «Byzantinoslavica», если не говорить о нескольких весьма интересных рецензиях Д. Ангелова, Г. Эверт-Каппесовой, П. Хараниса и др., проблемам социально-экономической истории Византии были посвящены лишь две работы румынского ученого Э. Франчеса.

В одной из этих статей он остановился на проблеме взаимоотношений между городами и феодалами в Византии. По его мнению, византийский город сохранился от античности¹⁵, а византийское поместье всегда было втянуто в товарное обращение. Этот тезис кажется нам сомнительным, особенно в свете нумизматического и археологического материала, свидетельствующего о значительном сокращении товарного производства и упадке городской жизни (если не говорить о Константинополе и еще двух-трех центрах) в VIII—IX вв.¹⁶ Напротив, весьма существенным представляется нам вывод Э. Франчеса, что византийские феодалы, тесно связанные с городами, играли в них руководящую политическую роль¹⁷. С конца XIII в. положение византийских городов укрепляется, и в результате, подчеркивает Э. Франчес, сами горожане начинают воздействовать на политическую жизнь империи (BS, v. 16, p. 89); при этом Э. Франчес обращает внимание на различие в судьбах византийских городов XIII—XIV вв.: если наиболее крупные провинциальные центры (Монемвасия, Янина) добились важных привилегий, то небольшие города, где процесс экономического роста протекал медленнее, оставались под властью феодалов (BS, v. 16, p. 92 sq.). Укрепление позиций горожан сопровождалось обострением анти-

¹² J. de Malafosse. Les lois agraires à l'époque byzantine. «Recueil de l'Académie de législation», t. 19, 1949, p. 41.

¹³ Александр Лаврский. 'Αδωίτις στοά. ВВ, т. 6, 1899, стр. 449.

¹⁴ А. П. Каждан. Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севастьянова. ВВ, т. 2, 1949, стр. 318. 28. В последнее время Г. Острогорский решительно подчеркнул, что поздневизантийские парики находились именно в личной зависимости от своих господ (G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 67).

¹⁵ E. Francès. La féodalité et les villes byzantines au XIII-e et au XIV-e siècles. BS, v. 16, 1955, p. 76.

¹⁶ Ср. А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. СА, т. 21, 1954, стр. 164—188; P. Charanis. The significance of coins as evidence for the history of Athens and Corinth in the VIIth and VIIIth centuries. «Historia», v. 4, 1955, p. 163—173; его же. Рецензия на книгу М. Томсон (BS, v. 17, 1956, p. 366); E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. «Berichte zum XI. Byzantinisten-Kongress», München, 1958.

¹⁷ E. Francès. Op. cit., p. 83, 87. К аналогичному выводу относительно болгарских городов пришел Стр. Лишев («За стоковото производство във феодална България». София, 1957, стр. 89 сл.).

феодалной борьбы и борьбы против «латинского засилья» (BS, v. 16, p. 94 sq.).

Таким образом, анализируя конкретные данные разнообразных источников, Э. Франчес пришел к выводу, значительно расходящемуся с традиционным представлением об экономическом упадке византийских городов в XIII—XIV вв.¹⁸ В свете собранного им материала, процесс исторического развития поздней Византии оказывается более сложным, чем его обычно изображали: там, где в силу определенных причин верх взяли феодалы, опиравшиеся на поддержку итальянских купцов, действительно наступил упадок; там же, где горожане сумели отстоять свои требования, они обеспечили городскому хозяйству известный прогресс, прерванный уже турецким завоеванием.

Мы могли бы поставить Э. Франчесу в упрек некоторые фактические погрешности, встречающиеся в его работе. Так, Михаил Атталиат жил не в X в. (BS, v. 16, p. 86), а во второй половине XI; грамота Михаила Гавриилопула относится не к 1295 г. (BS, v. 16, p. 93), а к XIV в.¹⁹; договор византийского императора с Венецией был возобновлен не в 1277 г. (BS, v. 16, p. 96), а еще в марте 1275 г. Вряд ли можно безоговорочно утверждать, ссылаясь на новеллы Льва VI, что «муниципальные сенаты» исчезли в X в. (BS, v. 16, p. 87): и дело здесь не только в том, что новеллы Льва VI были изданы еще в конце IX в.²⁰, — важнее то обстоятельство, что агиография свидетельствует о сохранении городских советов и после издания этих новелл²¹. Однако, несмотря на эти и некоторые иные неточности, работа Э. Франчеса весьма интересна попыткой по-новому подойти к одной из центральных проблем византийской истории.

Вторая работа Э. Франчеса, очень небольшая по объему, посвящена выяснению вопроса о том, почему крестоносцам удалось почти без сопротивления взять в 1204 г. Константинополь²². Чтобы оценить значение этой работы, нужно вспомнить, как ставилась и решалась эта проблема в предшествующие годы. Очень распространенной, например, была точка зрения Ф. И. Успенского, видевшего основную причину падения Константинополя в развитии центробежных сил, в децентрализации Византийской империи²³. Это вполне соответствовало его концепции, согласно которой процветание Византии было связано с прочностью монархии, а упадок самодержавия отождествлялся с упадком государства и общества.

Однако подобная трактовка вызывает два недоуменных вопроса. Во-первых, раздробленной Византии (если она действительно была таковой) противостояло в начале XIII в. отнюдь не менее раздробленное западное войско, где интересы венецианцев, Бонифация Монферратского, Балдуина Фландрского сталкивались между собой и приводили к острым противоре-

¹⁸ Некоторые попытки пересмотреть эти традиционные взгляды мы найдем уже в рассмотренной выше статье П. Хараниса (BS, v. 12, p. 147—152) и особенно в работе Э. В. Удальцовой «О внутренних причинах падения Византии в XV в.» ВИ, 1953, № 7. См. рецензию Б. Застеровой (BS, v. 16, 1954, p. 236—241).

¹⁹ См. А. Соловьев. Фессалийские архонты в конце XIV в. BS, v. 6, 1932, p. 163.

²⁰ Они адресованы патриарху Стефану (умер 17 или 18 мая 893 г. — V. Grumel. Chronologie des événements du règne de Léon VI. EO, v. 35, 1936, p. 10) и Стилиану Заутце (до его назначения василеопатром, что имело место в 888—889 гг. — *ibid.*, p. 41; умер Стилиан, скорее всего, в середине 899 г.).

²¹ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 78 сл.

²² E. Francès. Sur la conquête de Constantinople par les Latins. BS, v. 15, 1954, p. 21—26.

²³ См. в наиболее общем виде: Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 315, 379 сл.

чиям. Раздробленность Византии не может в таком случае явиться причиной ее поражения, как не является, само собой разумеется, раздробленность западных государств объяснением их победы.

Во-вторых, в последнее время даже в буржуазной историографии все отчетливее высказывается мысль, что феодализм не является «болезнью» государственного организма. Действительно, не только феодализм в целом, но и феодальная раздробленность была нормальным и закономерным, а на определенном этапе — прогрессивным этапом исторического развития. Феодальная раздробленность знаменовала не столько распад государственной общности, сколько формирование и цементирование местных, локальных связей. В конце XII в., и особенно в XIII, терпят крах последние в Европе попытки создания универсалистских монархий (если не говорить о таких поздних и мертворожденных предприятиях, как империя Карла V), и утверждается сословная монархия. Империя Мануила Комнина (как, впрочем, и более поздняя империя Михаила VIII Палеолога), являясь универсалистской империей, близкой по типу к «империи Плантагенетов» при Генрихе II или к империи Фридриха I Барбароссы, была в XII в. обречена на крах всем ходом исторического развития и по своей жизненности. несомненно, уступала Никейской империи.

Если мы присмотримся к истории возникновения Латинской империи, то увидим, что не центральное правительство, а именно архонты, носители принципа феодальной децентрализации, были той единственной силой, с которой приходилось считаться крестоносным завоевателям.

В свете этих наблюдений, вытекающих из современного состояния историографии, становится ясной ценность работы Э. Франчеса, показавшего, что слабость империи накануне Четвертого крестового похода надо искать в обострении социальной борьбы, вызванной в свою очередь тяжестью налогов и коррупцией чиновничества (BS, v. 15, p. 22 sq.), — иными словами, теми пороками, которые как раз были присущи централизованной монархии и которые, хотя и насчитывали почтенный возраст, однако именно теперь особенно стали заметны, поскольку они препятствовали двум прогрессивным тенденциям своего времени: формированию городской автономии и укреплению территориальных княжеств.

При этом Э. Франчес отмечает некоторые весьма интересные особенности в отношении византийцев к латинянам: крестоносцы укрепились прочнее всего в крупных приморских городах империи, где местные феодалы были заинтересованы в развитии торговых связей с Западом, тогда как население городов, лежавших в глубине материка, относилось к завоевателям с нескрываемой враждебностью (BS, v. 15, p. 25 sq.). Впрочем, надежды, которые часть византийского населения возлагала первое время на латинян, не оправдались: жестокая эксплуатация западных феодалов и купцов вызвала вскоре взрыв народного недовольства²⁴.

Из статей, относящихся к другим разделам внутренней истории Византии, в первую очередь следует отметить работы, посвященные столь сложной проблеме, как проблема византийской государственности. Обычно этот вопрос рассматривается чисто фактографически, — в плане изучения отдельных ведомств и их эволюции. Этот тип исследований восходит к традициям Дж. Бьюри, выпустившего в начале нашего столетия полезную сводку данных о византийском чиновничестве, опирающуюся преимуще-

²⁴ Вслед за Э. Франчесом и советский историк К. Н. Юзбашян («Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. и Четвертый крестовый поход». Ереван, 1957, стр. 6 сл.) ищет объяснение слабости Византии во внутреннем кризисе, в острой классовой борьбе, в грозном размахе народных движений.

ственно на свидетельства «Клиторология» Филофея²⁵. К сожалению, значительно меньше внимания привлекает второй аспект проблемы — выяснение социальной сущности византийского государства и классовой роли его органов.

Тем отраднее подчеркнуть, что в напечатанной в 12 томе рецензируемого журнала работе болгарского историка Д. Ангелова о фемных правителях XIII в. счастливо сочетаются оба отмеченные выше аспекта исследования: Д. Ангелов тщательно выясняет изменение размера фем в XIII в. и приходит к выводу, что в Эпирском деспотате фема нередко состояла из города и окрестных сел²⁶; он показывает, что правители фем назначались в то время из числа родственников монарха и справедливо связывает этот факт с процессом феодализации (BS, v. 12, p. 63). Анализируя термины, употреблявшиеся для обозначения фемного правителя, автор считает, что чаще всего применялся термин дука (BS, v. 12, p. 58), и выясняет судебные функции дук (BS, v. 12, p. 71—72). Вместе с тем, и это отличает работу Д. Ангелова от множества других трудов на аналогичные темы, он показывает ту классовую роль, какую играли дуки, принимая активное участие в подавлении крестьянских восстаний (BS, v. 12, p. 68 sq.).

В тщательно написанной, весьма полезной статье Д. Ангелова встречаются, однако, некоторые неточности, особенно в тех случаях, когда он выходит за избранные им хронологические рамки. Так, отметив интересный факт существования в Эпире XIII в. особой территориальной единицы — архонтата (*ἀρχοντία*), он утверждает, что это свидетельство не имеет параллелей в других источниках (BS, v. 12, p. 62): однако в IX в., до образования фемы в Далмации, эта область представляла собой архонтат, и этот официальный термин встречается в «Тактиконе Успенского»²⁷. То же самое относится и к термину *ἐπαρχία*, который, по словам Д. Ангелова (там же), лишь при династии Палеологов стал применяться для обозначения фемы. В действительности однако, термин «эпархия» мы встречаем в этом значении уже в грамоте 1183 г.²⁸, староитальянский перевод ее передавал этот термин как *diocese*²⁹. Употреблял термин эпархия также и писатель XI в. Атталнат, у которого можно прочесть: «Повсеместно по эпархиям (т. е. по фемам. — А. К.) были разосланы приказы расследовать этот вопрос...»³⁰.

Несколько иной характер носят другие опубликованные в «Byzantinoslavica» статьи, затрагивающие вопросы административного устройства Византии. Здесь можно назвать труды французского ученого Р. Гийана, который напечатал в последние годы серию статей, посвященных анализу

²⁵ J. Вугу. The imperial administrative system in the IXth century. London, 1911.

²⁶ Д. Ангелов. К вопросу о правителях фем в Эпирском деспотате и Никейской империи. BS, v. 12, 1951, стр. 61. Следовало бы только отметить, что процесс дробления фем был уже весьма заметен и в XI в., когда, например, в одной только Южной Македонии существовали фемы Солунь (Фессалоника), Стримон и Волерон.

²⁷ Ф. И. Успенский. Византийская табель с рангах. ИРАИК, т. 3, 1898, стр. 126. См.: Я. Ферлуга. Време постанка теме Далмације. «Зборник филозофског факултета», т. III. Београд, 1955, стр. 53 сл.; его же. Архонтат Далмации. ВВ, т. 12, 1957, стр. 46 сл. Известна также свинцовая вислая печать Феофилакта, протоспафария и «архонта Делма(тии)» (G. Davidson. Minor objects. «Corinth», v. 12, 1952, № 2697).

²⁸ MM, III, p. 235. 7. О дате см. G. Ostrogorski j. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 43 sq. Эту датировку, к сожалению, не учитывает М. Я. Сюзюмов, по-прежнему относя грамоту к 1184 г. (М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 году. ВВ, т. 12, 1957, стр. 65).

²⁹ E. Gerland. Histoire de la noblesse crétoise du moyen âge. Paris, 1907, p. 91. С.

³⁰ Michaelis Attaliotae Historia. Bonnae, 1853, p. 51.5—6. Ср. ibid., p. 8.19—20; 10.3—4; 77.11; 103.3 и многие другие.

различных должностей и титулов византийской табели о рангах³¹. Это детальное изучение административного аппарата Ромейской империи позволило Р. Гийану издать в «Byzantinoslavica» перевод очень трудного памятника, пестрящего специальной терминологией, — «О должностях» псевдо-Кодина³². Исследование этого трактата, равно как и близкого к нему по характеру сочинения Константина Багрянородного, поставило перед автором ряд вопросов относительно расположения упоминаемых в этих книгах константинопольских дворцов и храмов; в частности, он опубликовал в «Byzantinoslavica» серию статей, посвященных императорскому дворцу Вуколеону и окружавшему этот дворец району³³. Изучение всех данных о местоположении Вуколеона позволило автору уточнить вопрос о месте гибели Никифора Фоки, который был убит не в приморском дворце Вуколеон, как полагали прежде³⁴, а в Большом дворце (BS, v. 13, p. 119, 135). К этой серии статей о Вуколеоне примыкает другая работа Р. Гийана, посвященная гвардейским помещениям в Большом дворце³⁵. Наконец, в «Byzantinoslavica» были напечатаны две работы Р. Гийана, носящие в известной мере обобщающий характер: одна из них посвящена вопросу относительно повторных браков в Византии³⁶, другая — византийской аристократии³⁷.

Все эти многочисленные статьи дают возможность представить себе как сильные, так и слабые стороны исследовательской техники Р. Гийана. Его сильная сторона состоит в тщательности при подборе фактов; благодаря своим огромным знаниям, французский ученый владеет обширным материалом источников, и его работы являются таким пособием, без которого теперь не может обойтись ни один специалист, интересующийся историей византийской администрации. Мы можем отметить лишь несколько второстепенных погрешностей в использовании фактического материала. Так, в пяти весьма подробных статьях о Вуколеоне Р. Гийан ни разу не привлекает Псамафийскую хронику (*Vita Euthymii*), хотя в ней содержится любопытный материал относительно расположения этого дворца и его функций: здесь рассказывается, как арестованного патриарха Николая Мистика переводят из Большого дворца в Вуколеон и затем морем отправляют в ссылку³⁸. Р. Гийан, по-видимому, рассматривает многочисленные редак-

³¹ R. Guillard. Contribution à l'histoire administrative de l'Empire byzantin: le Drongaire et le Grand Drongaire de la Veille. BZ, Bd. 50, 1943; его же. La collation et la perte ou la déchéance des titres nobiliaires à Byzance. REB, v. 4, 1946; его же. Vénéralité et favoritisme à Byzance. REB, v. 10, 1952; его же. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: le Stratopédarque et le Grand Stratopédarque. BZ, Bd. 46, 1953; его же. Observation sur la liste des dignitaires du Pseudo-Codinus. REB, v. 12, 1954; его же. Etudes de titulature byzantine: Les titres auliques réservés aux eunuques. REB, v. 13, 1955 и ряд других.

³² R. Guillard. Les chapitres relatifs aux fonctions des dignitaires. BS, v. 13, 1952—1953, p. 233—251 (гл. 5—7, 16) его же. Sur les dignitaires du Palais et sur dignités de la Grande Eglise. BS, v. 15, 1954, p. 214—229 (гл. 1—4, 8—13); BS, v. 16, 1955, p. 97—112 (гл. 14—15, 17—22).

³³ R. Guillard. Constantinople byzantine. Le Boucoléon. La plage du Boucoléon. BS, v. 10, 1949, p. 16—27; его же. Les Palais du Boucoléon. BS, v. 11, 1950, p. 61—71; его же. Constantinople byzantine. Le port palatin du Boucoléon. BS, v. 11, 1950, p. 187—206; его же. Etudes sur la Palais du Boucoléon. BS, v. 12, 1951, p. 210—237; его же. Le Palais du Boucoléon. L'assaissant de Nicéphore II Phocas. BS, v. 13, 1952, p. 101—136.

³⁴ См., например, L. Bréhier. Vie et mort de Byzance. Paris, 1947, p. 197.

³⁵ R. Guillard. Autour du Livre des Cérémonies. Le Grand Palais. Les quartiers militaires. BS, v. 17, 1956, p. 58—113.

³⁶ R. Guillard. Les noces plures à Byzance. BS, v. 9, 1947, p. 9—30.

³⁷ R. Guillard. La noblesse de race à Byzance. BS, v. 9, 1948, p. 307—314.

³⁸ Этот факт был использован Р. Гийаном в другой статье (BS, v. 9, p. 17), однако, и в данном месте нет ссылки на *Vita Euthymii*. Не использует Р. Гийан известий этой

ции хроники Логофета как самостоятельные исторические сочинения: во всяком случае он постоянно цитирует «Льва Грамматика», Георгия Монаха и т. д. как независимые источники, тогда как они представляют собой лишь параллельные изводы, не дающие существенных расхождений. Но, повторяем, все эти замечания ни в коей мере не имеют целью поставить под сомнение акрибию исследований Р. Гийана: в его работах мы находим проверенный и достоверный фактический материал.

Однако за решением мелких вопросов Р. Гийан часто теряет историческую перспективу, и его попытки ставить большие вопросы оказываются нередко неудачными. Приведем несколько примеров. В последней статье о Вуколеоне Р. Гийан, при характеристике положения империи в конце правления Никифора Фоки, не останавливается на тех социальных процессах, которые протекали в Византии в середине X в. и в конечном итоге определили поворот в политике Никифора и соответственно — в отношении к нему различных общественных сил, а движущую пружину исторического процесса видит в честолюбии Иоанна Цимисхия (и вообще в личных свойствах правителей)³⁹. Точно так же и при рассмотрении так называемых споров о четвертом браке Льва VI Р. Гийан не останавливается на социальных и политических корнях этого — внешне — церковно-юридического спора (BS, v. 9, 1947, p. 15 sq.), хотя он сам, и, на наш взгляд, совершенно правильно, устанавливает, что между патриархом Николаем Мистиком и вождем аристократического мятежа Андроником Дукой существовали тесные связи (BS, v. 9, 1947, p. 17, not. 59).

Подобное пренебрежение социальной проблематикой обусловило, по нашему мнению, неудачу Р. Гийана в интересно задуманной статье о византийской аристократии: вместо того, чтобы проследить возникновение и развитие идеи знатности в Византии, — идеи, которая (в ее новом феодальном смысле) только еще формировалась на рубеже IX и X вв., Р. Гийан в качестве исходного пункта своих рассуждений берет тезис: «Византийцы во все века (à toute époque) тщательно различали знатность по рождению и знатность по титулу» (BS, v. 9, p. 307. Разрядка наша. — А. К.). Тем самым он уже a priori отвергает принцип историзма в характеристике явлений.

К исследованиям Р. Гийана примыкает статья Ж. Верпо, посвященная рассмотрению византийского термина *μεσάζων*. Автор приходит к выводу, что этот термин первоначально означал доверенное лицо императора и еще в XIV в. не являлся официальным титулом, но лишь обозначением политической функции⁴⁰. Только в XV в. так стали официально называть главу чиновничества, своего рода визиря Ромейской империи (BS, v. 16, p. 289). Работа Ж. Верпо является полезным этюдом, однако, как и исследования Р. Гийана, оторванным от социального фона, хотя сам автор признает желательным рассматривать эволюцию термина *μεσάζων* в свете общих изменений административной структуры империи (BS, v. 16, p. 293). Это, бесспорно, правильное пожелание; можно было бы сказать, что уже назрела потребность перейти от частных административно-исторических исследований к созданию (пускай, на первых порах и недостаточно совершенных) обобщающих работ по истории византийского государственного аппарата, которые, разумеется, могут быть удачными лишь в том случае,

хроники и в некоторых других своих работах, посвященных византийской администрации, например в *Etudes de titulature byzantine. Les titres auliques reserves aux eunuques*, хотя *Vita Euthymii* и содержит материал, прямо относящийся к теме этого исследования.

³⁹ BS, v. 13, p. 101—103.

⁴⁰ J. Verpeaux. Contribution à l'étude de l'administration byzantine: *ὁ μεσάζων*. BS, v. 16, 1955, p. 283.

если рассматривать их функции (как это и делает Д. Ангелов) в свете классовых задач государства ромеев.

«Byzantinoslavica» уделяет значительное внимание также истории духовной жизни империи. Мы не будем останавливаться на работах, посвященных византийской живописи или архитектуре⁴¹, поскольку эти вопросы требуют от рецензента специальных знаний. Что же касается до исследований из истории византийской литературы, то здесь в первую очередь привлекает внимание статья румынского ученого В. Греку, который рассматривает сочинения византийских историков как литературные памятники, выполняющие определенную эстетическую задачу⁴².

Статья В. Греку состоит из двух частей: в первой он показывает, как чисто литературные цели заставляли византийских историков отклоняться от истины и рисовать вымышленные картины; здесь особенно интересно, пожалуй, рассмотрение некоторых известий Льва Диакона о Руси, которые, по мнению В. Греку, являются литературным вымыслом⁴³. Во второй части статьи автор разделяет всех византийских историков на три разряда — в зависимости от литературного мастерства; к числу первоклассных художников он относит Иоанна Кантакузина, Михаила Пселла и Анну Комнину, а с некоторыми оговорками — и Никиту Хониата и Дуку (BS, v. 13, p. 259—262); напротив, Критовула, Лаоника Халкокондила, а также Агафия и Феофилакта Симокатту он зачисляет в последний разряд и считает их рабскими подражателями античным образцам (BS, v. 13, p. 269).

Мы склонны придавать статье В. Греку большое значение потому, что она является одной из первых попыток литературоведческого анализа памятников византийской письменности. Действительно, до сих пор произведения византийской литературы крайне редко подвергаются исследованию с точки зрения их эстетической значимости; византинисты, как правило, ограничиваются рассмотрением внешних фактов, относящихся к объему, содержанию и времени возникновения того или иного памятника; собственно говоря, истории византийской литературы пока еще не существует. Однако мы хотели бы высказать одно соображение по поводу статьи В. Греку. Дело в том, что автор, анализируя различные памятники византийской историографии, абстрагируется от хронологической последовательности и руководствуется, при классификации их, таким весьма субъективным критерием, как личный вкус. Известная наивность и скованность образов, присущая такому любопытному писателю X в., как Иоанну Камениате (не говоря уже о других его современниках), и отличающая его от мастерства Михаила Пселла и Анны Комнины, коренится не столько в недостаточной личной одаренности, сколько в общем характере литературы X столетия, переходной от литературы «темных веков» (в которой преобладала агиография и хроники, с присущими этим жанрам откровенной дидактикой⁴⁴ и шаблонными образами), — к поэзии и прозе XI—XII вв.,

⁴¹ См., напр., D. Talbot Rice. The origin of the complex church plan in Cyprus. BS, v. 9, 1947, p. 86—96; J. Myslivec. Une contribution à l'étude de genre dans l'art byzantine. BS, v. 9, 1948, p. 324—341; A. Frolov. La mosaïque murale byzantine. BS, v. 12, 1951, p. 180—209; V. Mole. L'antiquité gréco-romaine des Balkans dans la 2-е moitié du premier millénaire. BS, v. 13, 1952—1953, p. 271—281.

⁴² V. Grecu. La valeur littéraire des œuvres historiques byzantines. BS, v. 13, 1952—1953, p. 252 sq.

⁴³ Ibid., p. 256 sq. Эти наблюдения должны быть учтены при характеристике достоверности известий Льва Диакона о русско-византийской войне, которые в последние годы неоднократно рассматривались в советской литературе (П. О. Карышковский. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе. ВВ, т. 6, 1953, стр. 36—42 и кратко — М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 279).

⁴⁴ Фотий прямо говорил, что литература выполняет дидактические задачи.

возникшей в условиях возрождения городской жизни и отличающейся несравнимо большей жизненностью⁴⁵.

Несколько искусственным представляется нам также отбор памятников для исследования. Граница между историками и хронистами, проводимая К. Крумбахером и положенная В. Греку в основу отбора авторов, кажется нам весьма условной. Действительно, почему мы должны считать последнюю часть сочинения Продолжателя Феофана, написанную современником событий (возможно, Феодором Дафнопатом⁴⁶), или произведение Симеона Логофета хроникой, а не историей? Почему Льва Диакона мы безоговорочно причисляем к историкам, а значительно более самостоятельный текст соответствующих разделов Скилицы относим к хронике? Наконец, и среди агнографических произведений мы встречаем такие, которые следует считать историями своего времени, например, так называемую Псамафийскую хронику (*Vita Euthymii*).

Несмотря на эти замечания, которые, естественно, не могут претендовать на бесспорность, мы хотим еще раз подчеркнуть, что и в целом статья В. Греку, несомненно, способствует становлению того раздела византистики, которого, к сожалению, пока еще не существует, — литературоведения.

Сравнительно большое место занимают на страницах «Byzantinoslavica» проблемы еретических движений, и это следует всячески приветствовать, поскольку ереси были выражением мировоззрения народных масс и противостояли официальной идеологии господствующего класса. Французский ученый Дель Медико посвятил свою работу критическому рассмотрению известий античных авторов об эссенах⁴⁷; он пришел к выводу, что эти известия являются недостоверными и даже представляют собой позднюю интерполяцию. Мы уже имели возможность подробно рассмотреть статью Дель Медико и старались показать, что гиперкритические выводы французского ученого не являются убедительными и опираются, в частности, на произвольное истолкование недавно найденных на берегах Мертвого моря рукописей⁴⁸, — поэтому мы позволим себе не возвращаться здесь к этому вопросу, тем более, что тема работы Дель Медико лежит за хронологическими рамками византиноведения.

Большее научное значение имеют две работы чешского византиниста М. Лооса, рассмотревшего некоторые вопросы истории павликиан и богомилов⁴⁹.

В исследовании, посвященном характеристике источников для изучения павликианства, М. Лоос, следуя за Е. Э. Липшиц и немецким историком Ф. Шейдвейлером⁵⁰, подверг критике произвольные построения бельгий-

⁴⁵ См. сопоставление литературной манеры Михаила Пселла и Продолжателя Феофана у Р. Дженкинза (R. Jenkins. The classical background of the *Scriptores post Theophanem*. «Dumbarton Oaks Papers», v. 8, 1954, p. 14 f.).

⁴⁶ В. В. Латышев (Две речи Феодора Дафнопата. «Православный Палестинский сборник», т. 59, 1910, стр. XV—XVII) отвергал подобную возможность; М. Я. Сюзюмов (Об историческом труде Феодора Дафнопата. ВО, т. 2, 1916, стр. 297 сл.) считал Дафнопата автором лишь первой части хроники; наконец, С. Шестаков (К вопросу об авторе Продолжателя Феофана. «Deuxième congrès International des Etudes byzantines». Belgrade, 1929, p. 35 sq.) полагал, что Дафнопату принадлежит вся эта хроника.

⁴⁷ H. E. Del Medico. Les Esséniens dans l'œuvre de Flavius Josephé. BS, v. 13, 1952—1953, p. 1—45, 189—226.

⁴⁸ А. П. Каждан. Новые рукописи, открытые на побережье Мертвого моря. «Вопросы истории религии и атеизма», т. 4, 1956, стр. 306—308.

⁴⁹ M. Loos. Deux contributions à l'histoire des pauliciens. I. A propos des sources grecques reflétant des pauliciens. BS, v. 17, 1956, p. 19—57.

⁵⁰ См. Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. ВВ, т. 5, 1952, стр. 49—72; е е же. Вопросы павликианского движения

ского византиниста А. Грегуара, который отвергал возможность признать Фотия автором трактата о манихеях и относил составление этой книги к X в., полагая, что ее автор заимствовал свои сведения из труда Петра Сицилийца. М. Лоос приходит к выводу, что Фотий был автором всего трактата, причем лишь при составлении первой части он опирался на книгу Петра Сицилийца, подвергнув при этом труд Петра стилистической переработке (BS, v. 17, p. 48 sq.). Выводы М. Лооса могли бы быть более убедительными, если бы он использовал также работу немецкого исследователя И. Шарфа, который на основании скрупулезного стилистического анализа пришел к выводу, что трактат Фотия о манихеях (павликианах) является аутентичным⁵¹. Наблюдения И. Шарфа можно подкрепить также и тем, что в «Библиотеке» Фотия имеются краткие конспекты книг, посвященных манихеям, в известной мере совпадающие с соответствующими местами его трактата⁵².

С этой работой связана другая статья М. Лооса, где он убедительно показывает, что свидетельство Иоанна Экзарха, будто еретики считают сатану старшим сыном бога и братом Христа, восходит к раннехристианскому писателю Севериану и, следовательно, не может быть отнесено к богомилам. Тем самым, замечает М. Лоос, отпадает единственное свидетельство в пользу существования у болгарских богомилов подобной доктрины⁵³.

Весьма интересна также попытка М. Лооса провести разграничение между павликианами и богомилами: по его мнению, богомилам был присущ, в отличие от павликиан, аскетизм (BS, v. 13, 1952, p. 59).

Вопросы внешней истории Византии (проблемы хронологии, истории войн, династической истории и т. д.) занимают довольно скромное место в тематике «Byzantinoslavica», и это в общем и целом надо приветствовать — не потому, конечно, что работы такого порядка будто бы лежат за пределами «настоящей науки» (установление элементарных фактов необходимо ученым, и работу по уточнению дат и т. д. следует постоянно продолжать), но потому что в настоящее время несомненно имеет место разрыв между довольно хорошо отработанной внешней историей Византии и ее внутренней историей.

Из статей, связанных с проблемой хронологии, следует отметить работу болгарского ученого И. Дуйчева о дате восстания Асеневичей⁵⁴: по его мнению, назначение Алексея Враны командиром армии, посланной против болгар, имело место в конце 1185 — начале 1186 г., а первая экспедиция Исаака II Ангела состоялась в мае—июне 1186 г.⁵⁵

в освещении современной буржуазной историографии. Там же, стр. 235—243; F. Scheidweiler. Paulikianerprobleme, I. BZ, Bd. 43, 1950.

⁵¹ J. Scharf. Zur Echtheitsfrage der Manichäerbücher des Photius, BZ, Bd. 44, 1952.

⁵² В трактате о манихеях упомянуты, например, названные в «Библиотеке» Ираклиан Халкидонский (PG, t. 102, col. 33. A) и Агапий, «манихей», «составитель» так называемого Семиречья» (ibid., col. 41. B). Так как «Полезная история» Петра Сицилийца была написана лишь в 869—870 г. (К. Н. Юзбашян. К истории павликианского движения в Византии в IX в. «Вопросы истории религии и атеизма», т. 4, 1956, стр. 251), ясно, что Фотий располагал этими сведениями еще до того, как он мог познакомиться с трудом Петра.

⁵³ M. Loos. Le prétendue témoignage d'un traité de Jean Exarque intitulé «Sestodnev» et relatif aux Bogomiles. BS, v. 13, 1952, p. 64 sq.

⁵⁴ Iv. Dujčev. La date de la révolte des Asénides. BS, v. 13, 1952—1953, p. 227—232. К сожалению, выводы И. Дуйчева не учитывает М. Я. Сюзюмов, посвятивший датировке восстания Петра и Асеня специальный курс (М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина. ВВ, т. XII, 1957, стр. 69, прим. 63).

⁵⁵ Отметим, что традиционное представление, которое принимает И. Дуйчев (BS, v. 13, p. 229), трактуя у Врахутрбодов, испрошенное Петром и Асенем, как пронию (Nicetae Choniatae Historia. Bonnae, 1835, p. 482. 15—17) вряд ли может счи-

Другая работа, принадлежащая перу П. Хараниса, посвящена дате захвата Галлиполи турками: автор относит это событие к марту 1354 г.⁵⁶ К этой же группе принадлежит и небольшая статья французского историка Б. Лейба, рассматривающая историю династической борьбы в конце XI в.⁵⁷

Два события внешней истории Византии привлекли специальное внимание редакции «Byzantinoslavica» и вызвали появление целой серии статей. Первое из этих событий — падение Константинополя в 1453 г. — послужило сюжетом 14, юбилейного, тома и нескольких работ, опубликованных позднее. Не останавливаясь сейчас на детальном анализе этих работ, поскольку они были предметом специального рассмотрения в предыдущем номере «Византийского временника»⁵⁸, мы хотим лишь подчеркнуть, что редакция «Byzantinoslavica» сумела найти новый аспект в подходе к этой уже достаточно детально изученной теме. Почти во всех статьях, посвященных этому вопросу, в «Byzantinoslavica» исследуется главным образом вопрос о влиянии этих событий на соседние народы, и прежде всего на славян⁵⁹, а также те отклики, которые вызвало падение Константинополя⁶⁰.

Второе событие — Лионская уния 1274 г. — явилось предметом исследования польской византистки Г. Эверт-Каппесовой, посвятившей этому вопросу ряд статей, составляющих в совокупности специальную монографию (отдельные части которой были опубликованы, к сожалению, не по порядку). Первая часть работы Г. Эверт-Каппесовой посвящена истории установления унии и характеристике отношения к унии императора Михаила VIII Палеолога⁶¹; далее анализируется политика клира в вопросе о Лионской унии⁶²; в третьей части Г. Эверт-Каппесова остановилась на характеристике позиции широких слоев византийского общества по отношению к унии⁶³; наконец, в заключении она вскрыла причины краха попытки восстановить единство церкви⁶⁴.

таться обоснованным; известно, что Никита Хониат ни в этом месте, ни в каком-либо другом не пользуется термином «прония». Поэтому проще было бы перевести это место буквально: «деревня, приносящая небольшой доход».

⁵⁶ P. Charanis. On the date of the occupation of Gallipoli by the Turks. BS, v. 16, 1955, p. 113—117.

⁵⁷ B. Leib. Un basileus ignore — Constantin Doucas (v. 1074—1094). BS, v. 17, 1956, p. 341—359.

⁵⁸ Б. Цветкова. Проблемы падения Константинополя... ВВ, т. 14, 1958, стр. 247—259.

⁵⁹ См., например, ряд статей о взаимоотношении Средней Европы и особенно Чехии с Византией и Турцией: И. Мадурек. Турецкая опасность и Средняя Европа накануне и во время падения Константинополя. BS, v. 14, 1953, p. 130—157; М. Раулова. L'Empire byzantin et les Tchèques avant la chute de Constantinople, ibid., p. 158—225; J. V. Polišenský. Bohemia, the Turk and the Christian commonwealth (1462—1620), ibid., p. 82—108, а также — М. Šesan. La chute de Constantinople et les peuples orthodoxes, ibid., p. 271—282; D. Angelov. Certains aspects de la conquête de peuples balkaniques par les Turcs, ibid., v. 17, 1956, p. 220—275.

⁶⁰ J. Irmscher. Zeitgenössische deutsche Stimmen zum Fall von Byzanz, ibid., v. 14, 1953, S. 109—122; I. Dujčev. La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine, ibid., p. 14—54; v. 16, 1955, p. 311—329; v. 17, 1956, p. 276—340; V. Grecu. La chute de Constantinople la littérature populaire roumaine, ibid., v. 14, 1953, p. 55—81.

⁶¹ H. Evert-Kappesowa. Une page des relations byzantinolatines. BS, v. 16, 1955, p. 297—317.

⁶² H. Evert-Kappesowa. Une page des relations byzantinolatines. Le clergé byzantin et l'Union de Lyon. BS, v. 13, 1952, p. 68—92.

⁶³ H. Evert-Kappesowa. La société byzantine et l'Union de Lyon. BS, v. 10, 1949, p. 28—40.

⁶⁴ H. Evert-Kappesowa. Une page des relations byzantinolatines. II. La fin de l'Union de Lyon. BS, v. 17, 1956, p. 1—18.

Исследование Г. Эверт-Каппесовой имеет двойную ценность. Прежде всего полезно тщательное, шаг за шагом, восстановление всего хода запутанной политической борьбы, предшествовавшей заключению унии и последовавшей за этим.

Однако только этим одним значение работы не исчерпывается: с нашей точки зрения, как раз наиболее интересным является выяснение тех внутренних причин, которые обусловили отношение к унии различных общественных группировок.

Сторонниками унии, по мнению автора, были крупные земельные собственники; при этом Г. Эверт-Каппесова старается вскрыть экономические корни их позиции, полагая, что они, во-первых, искали союза с латинскими феодалами в надежде отвоевать земли в Малой Азии и, во-вторых, они были связаны с итальянскими купцами, ибо сбывали на Запад хлеб и продукцию скотоводства (BS, v. 17, p. 1—2). Этот тезис польской исследовательницы, хотя и не аргументированный в работе фактическим материалом, представляется нам чрезвычайно существенным, ибо он проливает свет на те социальные противоречия, которые раздирали византийское общество в последние века существования империи, и объясняет возникновение латинофильской группировки в Константинополе. Этот тезис, кстати сказать, нашел прекрасное подтверждение в работе Б. Крекича, показавшего, что из Византии на Запад вывозили именно хлеб, соленое мясо, шкуры и т. п. товары⁶⁵.

Остальные общественные группировки были противниками унии: горожане боялись экономического преобладания итальянского купечества, крестьяне опасались усиления феодальной эксплуатации, а клир не желал делиться доходами с папской курией (BS, v. 16, p. 316 sq.). При этом Г. Эверт-Каппесова очень удачно объясняет причины популярности монашества: именно тот факт, что монахи выступали с проповедью нетерпимого отношения к латинянам, и привлекал к ним симпатии масс⁶⁶.

Если в целом в работе удачно выясняются социальные корни позиции различных общественных групп, то при определении политики отдельных императоров Г. Эверт-Каппесова иногда склоняется к субъективистским характеристикам. Вряд ли, например, можно считать, что Ласкариды «всегда защищали средние классы (?) и крестьянство» (BS, v. 17, p. 4): достаточно просмотреть акты Лемвийского монастыря, выросшего как раз при Ласкаридах, чтобы увидеть, чьи классовые интересы они охраняли. Рачительные хозяева и скопидомы, подобные Иоанну Ватацу, они, действительно, поддерживали города и способствовали торговле, но это отнюдь не мешало им быть выразителями идей феодального класса.

Терминология, которой пользуется исследовательница, иногда явно модернизирована: например, в статье говорится о «городском пролетариате» XIII в., о «емкости внутреннего рынка» (BS, v. 17, p. 2).

Что касается до изложения самой истории переговоров по поводу заключения Лионской унии, то нам бы хотелось сделать лишь одно замечание: надо думать, что ход этих переговоров значительно прояснился, если бы его анализ был связан с теми политическими событиями, которые

⁶⁵ Б. Крекич, *Дубровник и Левант*. Београд, 1956, стр. 54 и др.

⁶⁶ BS, v. 17, p. 3. Любопытно, что в другой статье, опубликованной ранее, Г. Эверт-Каппесова искала объяснение популярности монашества в том, что оно в глазах светских лиц персонифицировало чистоту, аскетизм и иные добродетели (BS, v. 10, т. 29 sq.); отход от такого объяснения, лежащего еще в сфере идеологии, и попытка понять социальные причины популярности иосифитов и арсенитов конца XIII в. представляются нам весьма показательным явлением, свидетельствующим об укреплении материалистического мировоззрения в византийские страны народной демократии.

происходили в это время. Так, неуступчивая политика папы Климента IV, в отличие от сравнительно мягких требований его предшественника Урбана IV (BS, v. 16, p. 300 sq.), хорошо объясняется военными неудачами византийцев и их союзников — генуэзцев в 1263 г. на море и в 1264 г. на суше; Карл Анжуйский, один из наиболее рьяных противников Михаила VIII Палеолога, и изгнанный из Константинополя Балдуин II 27 мая 1267 г. в присутствии папы заключили соглашение о разделе Византии, и как раз в это время Климент IV вел с Михаилом Палеологом переписку относительно унии. Еще более существенно было бы учесть те политические события, которые произошли в 1272—1274 гг., в период, который, по мнению Г. Эверт-Каппесовой, составляет «поворотный момент в религиозной политике Михаила VIII» (BS, v. 16, p. 303): именно в это время усиливаются позиции Карла Анжуйского на Балканах; он не только находит союзников в Фессалии и Морее, но в 1273 г. послы болгарского царя и сербского короля появляются при его дворе. Угроза нового крестового похода была настолько реальной, что Михаил VIII оказался вынужденным уступить требованиям папы, подобно тому, как в 1265 и 1275 гг. уступил притязаниям венецианцев.

Поставив церковные переговоры в общие рамки с внешнеполитической историей, Г. Эверт-Каппесова получила бы более убедительную картину событий.

Эти две группы статей, затрагивающие историю падения Константинополя и историю Лионской унии, как бы служат переходом к последней категории исследований, опубликованных в «Byzantinoslavica» и как раз являющихся для журнала особенно характерными. Речь идет о работах, рассматривающих связи и взаимные влияния Византии и соседних народов. Эти статьи посвящены преимущественно взаимоотношениям Византии с древними славянами, Русью, населением Чехии и Моравии, болгарами и влахами; к сожалению, проблема взаимоотношений империи с сербами, хорватами и венграми, а также с народами Закавказья и арабами не нашла отражения в рецензируемых томах.

Проблеме расселения древних славян в Греции посвящена работа П. Хараниса⁶⁷, много занимавшегося этим вопросом⁶⁸. Полемизируя с С. Кириакидисом, Харанис показывает, что в VI—VII вв. значительные массы славян расселились в Греции, проникнув на юг вплоть до Пелопоннеса. Он опирается преимущественно на свидетельство Монеувасийской хроники и на археологические данные. Соглашаясь с этим выводом автора, мы хотели бы, однако, сделать одно частное замечание. Нам представляется сомнительной датировка взятия Коринфа славянами, которую предлагает Харанис, относящий это событие к правлению Маврикия (582—602) (BS, v. 10, p. 257). Есть известные основания считать, что Коринф пал в середине VII в. и был вскоре отвоеван Константином II (641—668), в честь которого в этой связи была воздвигнута статуя с надписью «Победителю»⁶⁹.

⁶⁷ P. Charanis. On the question of the Slavonic settlements in Greece during the Middle Ages. BS, v. 10, 1949, p. 254—258.

⁶⁸ См. также: P. Charanis. The Chronicle of Monemvasia. «Dumbarton Oaks Papers», v. 5, 1950; его же. On the capture of Corinth by the Onogurs and its recapture by the Byzantines. «Speculum», v. 27, 1952; его же. On the Slavic settlement in the Peloponnesus. BZ, Bd. 46, 1953.

⁶⁹ J. H. Kent. A byzantine statue base at Corinth. «Speculum», v. 25, 1950, p. 544 f. Ср. также: А. П. Каждан. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию. КСИС, вып. 11, 1953, стр. 69 сл.

Работа польского ученого Г. Лабуды рассматривает спорный вопрос о хронологии войн Византии с аварами и славянами в конце VI в.⁷⁰ Автор, пересматривая выводы Дж. Бьюри и Л. Хауптмана, приходит к выводу, что славяно-византийская война при Маврикии началась в 595 г. и продолжалась с некоторыми перерывами до 602 г. Однако одновременно с работой Г. Лабуды появилась статья югославского ученого Б. Графенауера, который, исходя из данных Феофилакта Симокатты, датировал начало военных действий 592 г.⁷¹ Вопрос этот нуждается в дальнейшем изучении.

Наконец, к этой же группе статей принадлежит и работа известного чехословацкого археолога Я. Эйснера, относительно «аварской» культуры⁷². Он указывает, что далеко не все могильники по среднему течению Дуная, датируемые временем аварского вторжения, принадлежали аварам: в частности, большой могильник в Девинской Новой Веси (близ Братиславы) в основном содержал погребения славян (BS, v. 9, p. 50 sq.). Появление «аварских» могильников, характеризующихся находками массивных изделий из бронзы, Я. Эйснер датирует серединой VII в.; они исчезают вместе с Аварской державой в IX столетии (BS, v. 9, p. 54).

История русско-византийских отношений была предметом нескольких исследовательских статей и критико-библиографических обзоров⁷³. Болгарский нумизмат Т. Герасимов опубликовал печать киевского тысяцкого Ратибора (1079—1113) из коллекции Народного археологического музея в Софии⁷⁴. А. В. Соловьев рассмотрел вислую свинцовую печать, найденную В. В. Хвойко в Белгородке в 1909 г., и отнес ее, вслед за Н. Петровым, к Владимиру Святославичу; по мнению Соловьева, на легенде этой печати первоначально стояли греческие слова, переданные латинскими буквами: BASIL. AUTOKRATOR (император и самодержец), а также русские слова: ВЛАДИМЕРЬ НА СТОЛЕ А СЕ ЕГО ЗНАМЕНИЕ⁷⁵.

⁷⁰ G. Labuda. Chronologie des guerres de Byzance contre les Avars et les Slaves à la fin de VI-e siècle. BS, v. 11, 1950, p. 167—173.

⁷¹ B. Grafenauer. Nekaj vprašanj iz dobe naseljevanja južnih Slovanov. «Zgodovinski časopis», t. 4, 1950, str. 62 i dr. П. Лемерль, правда, не имевший возможности прочитать работу Б. Графенауера, предлагает датировать кампанию Маврикия 592—600 гг., хотя и считает вопрос еще нерешенным окончательно (P. Lemerle. Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romaine jusqu'au VIII-e siècle. «Revue historique», v. 211, 1954, p. 291, not. 3).

⁷² J. Eisner. Pour dater la civilisation «avare». BS, v. 9, 1947, p. 45—54. Я. Эйснер опубликовал затем специальное исследование о могильнике в Девинской Новой Веси (J. Eisner. Devínska Nová Ves. Bratislava, 1952. См. рецензию И. Поулика: BS, v. 16, 1955, p. 125—131).

⁷³ См. А. Флоровский. К изучению истории русско-византийских отношений. BS, v. 13, 1952—1953, p. 301—311; В. Zasterova. Observations sur le problème de la christianisation en Russie. BS, v. 11, 1950, p. 240—254.

⁷⁴ Т. Герасимов. Два славянских моливдовула XI и XIII веков. BS, v. 13, 1952, p. 93—95; рис. 1.

⁷⁵ А. В. Соловьев. О печати и титуле Владимира Святого. BS, v. 9, 1947, стр. 31—44. Описание печати см.: Н. Петров. Южнорусские металлические вислые печати дотатарского периода. «Труды имп. Киевской духовной академии», год 54, 1913, кн. 5, стр. 62—63. Эта же работа напечатана в «Чтениях в церковно-историческом и археологическом обществе при имп. Киевской духовной академии», вып. 9, 1913, стр. 147—148. Клише нет, но из описания видно, что имя Владимира восстановлено Н. Петровым исключительно «по аналогии с владимировыми серебрянниками»; сохранились же слова: «А се его з...» и латинское «rator». Вопреки мнению Соловьева, печать эта была известна Н. П. Лихачеву (Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. «Труды музея палеографии», вып. 1, 1928, стр. 168—170), во всяком случае по описанию Петрова. Но относясь весьма критически к выводам и описаниям Петрова (см.: Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 117, прим. 2), Лихачев и в данном случае очень сомневается в правильности предложенного Петровым восстановления русского текста (которое принимает и Соловьев). Н. П. Лихачев считает, что надпись такой длины не могла бы уместиться на одной стороне печати. Что же касается латинского «rator», то Н. П. Лихачев восстанавливает его как autocrator, предполагая, что Петров имел перед собой «экземпляр

В небольшой статье французского слависта А. Вайяна отмечается, что Владимир Мономах в одном месте своего «Поучения» использовал греческий источник — «Житие св. Василия», принадлежащее псевдо-Амфилохию Иконийскому⁷⁶.

К серии работ, посвященных русско-византийским отношениям, принадлежит и большая статья югославского ученого В. Мошина, освещающая один из наименее изученных периодов в истории связей Руси с Византией: XI и XII столетия⁷⁷. В основу исследования положены акты из архива Русского монастыря на Афоне, изданные еще в 1873 г., но, к сожалению, некритически⁷⁸. В этих актах В. Мошин находит скупые факты, которые, однако, приобретают особое значение в свете данных, почерпнутых из других источников.

Особенно интересен анализ грамоты № 3, датированной 1048 г., в которой говорится о незадолго до того имевшем место разгроме русской обители Ксилургу (Древодела), существовавшей на Афоне с начала XI в., и о повелении императора Константина IX Мономаха возместить убытки этому монастырю. В. Мошин убедительно связывает этот разгром с антирусскими настроениями во время военных действий 1043 г.⁷⁹, а приказ императора — с примирением и заключением союза, скрепленного браком греческой царевны со Всеволодом Ярославичем, отцом Владимира Мономаха (BS, v. 9, стр. 68 сл.). Странно лишь, что на стр. 73 (прим. 43) В. Мошин пишет: «Имя этой супруги Всеволода неизвестно», а на стр. 74 дважды именуется ее Анной.

Интересно трактует В. Мошин и вопрос об участии Руси и Византии в борьбе между империей и папством: «Киевская Русь склонилась на сторону римско-саксонской коалиции, что нашло внешнее отражение в браке дочери Всеволода, Евпраксии, с саксонским маркграфом и что с другой стороны побудило императора Алексея Комнина восстановить в Тмутаракани центр противоикуевской оппозиции, послав туда находившегося в Византии в заточении князя Олега Святославича» (BS, v. 9, стр. 79).

Из описи имущества монастыря Ксилургу от 1142 г. (грамота № 6) видно, что в монастыре хранились только βιβλία ρούσικα (Акты, стр. 54, 23), т. е. богослужение совершалось на русском языке; любопытно также и выражение «русский таз» (λεχανι ρούσικος) (Акты, стр. 56, 7). К сожалению, при передаче содержания этого акта Мошин допустил несколько неточностей: так, например, вслед за издателями (Акты, стр. 64, прим. 15) он переводит λισκάριον как «молот» (BS, v. 11, стр. 36), в действительности же этот термин означает «заступ» (ср. новгородское λισγάρι, λισγος) в отличие от «двузубой мотыги» — δικελλα. Оба эти термина встречаются еще в «Земледельческом законе». Интереснейшее выражение ἐλευθερία δούλου τινος (Акты, стр. 56.16), не привлекавшее до сих пор еще, насколько мы знаем, чьего-либо внимания, передано чересчур неопределенно: «одна „вольная“ грамота» (BS, v. 11, стр. 37). Ζευγιάτης

императорской византийской печати X в.». Эти наблюдения такого большого знатока сигиллографии, каким был Лихачев, ставят под сомнение и выводы, полученные Соловьевым.

⁷⁶ A. Vaillant. Une source grecque de Vladimir Monomaque. BS, v. 10, 1949, p. 12.

⁷⁷ В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. BS, v. 9, 1947, стр. 55—85; v. 11, 1950, стр. 32—60.

⁷⁸ Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873. Сейчас готовится новое издание актов из архива Русского монастыря — см.: P. Lemerle. Un acte du despote Andronic Paléologue (?) pour le couvent de S. Pantéléimon. «Orientalia Christiana Periodica», v. 13, 1947, p. 562—571.

⁷⁹ О русско-византийской войне 1043 г. см. также: G. Vernadsky. The Byzantine-Russian War of 1043. «Südost-Forschungen», Bd. 12, 1953, p. 47—67.

(Акты, стр. 56.16) — не просто «какой-то крестьянин» (BS, v. 11, стр. 37), а точнее — погонщик волов или пахарь, работающий с упряжкой волов⁸⁰.

Важен также анализ грамоты № 7 (1169 г.), в которой Мошин свидетельство в пользу того, что после 1164 г., при киевском князе Ростиславе Мстиславиче, вновь наладились русско-византийские связи (BS, v. 11, стр. 56).

Совершенно естественно, что журнал, выходящий в Чехословакии, подробно освещает раннюю историю ее народов и их связи с Византией. Вопросу о так называемом «государстве Само» была посвящена статья чешского исследователя В. Халупецкого⁸¹, который, впрочем, ограничился пересказом основных идей, высказанных Г. Лабудой в его книге «Первое славянское государство»⁸². Чешский археолог Я. Бэм дал характеристику археологических находок в Старом Месте (близ Угерске Градиште, в Моравии), где были раскопаны остатки двух церквей, относящихся ко времени расцвета Великоморавского княжества⁸³.

Две работы посвящены рассмотрению истории славянского права и его связей с византийским правом. Автор одной из них, чешский ученый Я. Вашица, пришел к выводу, что «Закон судный людем» должен быть отнесен ко времени Кирилла и Мефодия; автором его, по мнению Я. Вашицы, был скорее всего сам Константин (Кирилл)⁸⁴. Для доказательства своего тезиса Вашица пользуется аргументами двойного рода: он устанавливает прежде всего в предании о Кирилле и Мефодии некоторые факты, позволяющие отнести к этому времени составление сборника законов для славян (BS, v. 12, p. 170 sq.); кроме того, по мнению Вашицы, существует лингвистическое сходство между «Законом судным людем» и произведениями Константина-Кирилла (BS, v. 12, p. 159 sq.). Однако аргументы Вашицы слишком субъективны: упоминание в похвальном слове, составленном пресвитером Константином, обо «всем церковном законе, переложеном с греческого»⁸⁵, слишком неопределенно, чтобы подразумевать под ним непременно «Закон судный людем»; столь же опасно делать далеко идущие выводы на основании совпадения отдельных слов в проповедях Константина и в «Законе». Остроумное решение Вашицы нуждается, на наш взгляд, в более основательной аргументации.

Другая работа, написанная чешским ученым Я. Пошваржем, рассматривает моравское виноградарское право в связи с «Земледельческим законом»⁸⁶. Пошварж считает, что византийское культурное влияние на Моравию было весьма сильным и отразилось, в частности, на славянских правовых обычаях. В доказательство этому он приводит, в качестве бесспор-

⁸⁰ В поэме «Каллимах и Хрисорроя» (Callimaque et Chrysorrhoe, éd. M. Pichard Paris, 1956) термину *σευελάτης* (vv. 1501, 1511, 1530) соответствует выражение *ἀνδρωπος χαμλων την γην με το σευελαριον* (v. 1486). Значение «погонщик волов» сохраняется и в новогреческом языке.

⁸¹ V. Chaloupek. *Considérations sur Samon, le premier roi des Slaves*. BS, v. 11, 1950, p. 223—239.

⁸² G. Labuda. *Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona*. Poznań, 1949.

⁸³ J. Böhm. *Deux églises datant de l'empire de Grande-Moravie découvertes en Tchécoslovaquie*. BS, v. 11, 1950, p. 207—222.

⁸⁴ J. Vašica. *Origine Cyrillo-Méthodienne du plus ancien code slave dit «Zakon sudnyj ljudem»*. BS, v. 12, 1951, p. 154—174.

⁸⁵ П. А. Лавров. *Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности*. Л., 1930, стр. 84. 26 = стр. 90. 92. Ср. стр. 97.8; «прѣложивъ црковны оуставъ от грѣчка на словѣньскыи языкъ». Почему Вашица (BS, v. 12, p. 171) говорит, что это упоминание встречается три раза (on mentionne trois fois), нам неясно — просто у Лаврова издако несколько вариантов похвального слова Кириллу и Мефодию.

⁸⁶ Я. Пошварж. *Византийские элементы в моравском виноградарском праве*. BS, v. 17, 1955, p. 120—124.

ного факта, гипотезу Вашицы относительно «Закона судного людем», дополняя ее предположением (высказанным еще юристами прошлого столетия), будто Мефодий перевел на древнеславянский язык также часть «Эклоги» (BS, v. 17, p. 121). Нам думается, однако, что обе эти гипотезы взаимно исключают друг друга: мы можем предполагать либо то, что солунские братья перевели часть «Эклоги», либо, что они составили на основании «Эклоги» «Закон судный людем»; допускать, что они сделали и то и другое, было бы, пожалуй, при современном состоянии источников недостаточно осторожным.

Что же касается предложенного Пошваржем сопоставления норм «Земледельческого закона» и моравского виноградарского права, то его, к сожалению, нельзя признать достаточно убедительным. Пошварж, по его собственным словам, не пользовался греческим текстом «Земледельческого закона», а ограничился его русским переводом⁸⁷; к тому же он незнаком и с обширной литературой вопроса, кроме статьи Е. Э. Липшиц⁸⁸. Видимо, поэтому ему не удалось заметить, что в «Земледельческом законе» наряду с системой членовредительских наказаний (отсечение руки, вырезание языка и т. п.), т. е. принципом ответственности *ex delicto*, нашел свое отражение и другой принцип — возмещение. Если моравское право заимствовало из «Земледельческого закона» только систему членовредительских наказаний и пренебрегло принципом возмещения, то это должно быть объяснено. Недостаточно убедительно и утверждение автора, что известное моравскому праву разрешение сорвать виноградные грозди в чужом винограднике, обязательно должно восходить к 61 ст. «Земледельческого закона»: оно могло быть почерпнуто и из «Второзакония» (XXIII, 24), где сказано: «Когда войдешь в виноградник ближнего твоего, можешь есть ягоды досыта, сколько хочет душа твоя, а в сосуд твой не клади». Кстати сказать, во «Второзаконии» достаточно примеров и членовредительских наказаний (напр., XXV, 3, 12 и др.).

Для доказательства непосредственного воздействия «Земледельческого закона» на моравское право (возможно, что такое воздействие действительно имело место) нужно было бы, нам думается, провести тщательное текстологическое сравнение памятников.

Очень интересной является статья М. Пауловой, посвященная одной из попыток Карла IV усилить свое влияние в других славянских странах⁸⁹. Как показывает автор, Карл пытался восстановить кирилло-мефодиевские традиции и добился в 1346 г. разрешения ввести литургию на славянском языке. В соответствии с этим в Праге был основан славянский монастырь Эммаус. Эта деятельность, поддержанная папством, имела теперь задачу организовать католическое миссионерское движение среди славянских народов: в частности, Карл IV стремился оказать давление на

⁸⁷ Пошварж отсылает почему-то к изданию «Земледельческого закона» в Jus, IV, не зная, по-видимому, изданий А. С. Павлова, К. Феррини и В. Эшбернера. Русский перевод, при всех его достоинствах, содержит, однако, неточности, иногда искажающие смысл. Например, при переводе ст. 32 (Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, стр. 105) пропущены важные слова *ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ* в ст. 1 *γεωργία* (земледельческий труд) переведено «пашня» и т. д. Пошварж (стр. 123) полагает, что в ст. ст. 46—47 идет речь о распятии на кресте, хотя в оригинале сказано *φορμίσξέσθω*, т. е. «да будет казнен на фурке» (наказание распятием на кресте было отменено Константином I). Ст. 9 не является «постановлением о краже снопов» (стр. 123), а запрещает мортиту брать свою долю без ведома хозяина земли, в противном случае он приравливается к вору (*ὡς χλέπτης*).

⁸⁸ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 96—143.

⁸⁹ М. Paulová. L'idée Cyrillo-Méthodienne dans la politique de Charles IV et la fondation du monastère Slave de Prague. BS, v. 11, 1950, p. 179.

Стефана Душана (BS, v. 11, p. 184 sq.). Более того, пражский монастырь должен был готовить миссионеров для проповеди среди «схизматиков» (русских) и среди язычников Литвы (BS, v. 11, p. 183).

Из статей, посвященных болгарской истории, особенно большое значение имеет работа И. Дуйчева о славяно-болгарских древностях IX в., состоящая из двух частей. В основу этой работы положены широко известные в науке «Ответы» папы Николая I, содержащие обширные сведения относительно быта и политического строя болгар⁹⁰. Эти сведения шовинистически настроенные историки буржуазной Болгарии относили почти исключительно к быту туранских народов (BS, v. 11, стр. 8), иначе говоря, протоболгар. Дуйчев, исходя из того, что этнический состав Болгарии IX в. был весьма сложен, считает возможным найти иное объяснение содержащихся в «Ответях» данных. Привлекая обширные параллели из самых разнообразных источников, он показывает в первой части работы, что аналогичные явления имели место у различных славянских народов, а во второй — что некоторые из упомянутых в «Ответе» учреждений восходят к византийским обычаям. В конце же Дуйчев делает оговорку, свидетельствующую о его большой научной осторожности: «Устанавливая, таким путем, что некоторые бытовые особенности, которые до сих пор связывались исключительно с протоболгарами, в действительности славянского или же византийского происхождения, не надо ни в коем случае отрицать реальное значение протоболгар в исторической жизни болгарского народа, или же преувеличивать византийское влияние на болгар» (BS, v. 12, стр. 93).

Более частный характер носит работа болгарского археолога Кр. Миятева о славянских городах в Болгарии⁹¹. Автор широко использовал новые археологические данные, в особенности при характеристике Плискова (Плиски) (BS, v. 10, стр. 261—264). Другой болгарский исследователь, Д. Цончев, опубликовал интересную статью о болгарских и византийских крепостях⁹², в которой он, в частности, стремится выяснить отличие системы искусственной фортификации феодальной и рабовладельческой эпох. К сожалению, статье присущ некоторый социологизм: вряд ли можно так прямолинейно, как это делает автор, выводить форму укреплений непосредственно из производительных сил, присущих данной общественно-экономической формации (BS, v. 16, p. 265); при постройке той или иной крепости немаловажную роль играли, конечно, местные традиции и локальные особенности рельефа.

Хозяйственной жизни владов, тесно связанных с болгарами в эпоху средневековья, была посвящена работа венгерского ученого М. Дьони⁹³, известного своими трудами по истории придунайских областей в средние века⁹⁴. Дьони привлек обширный материал (Феодора Продрома, Анну

⁹⁰ И. Дуйчев. Славяно-болгарские древности IX века. BS, v. 11, 1950, стр. 6—31; его же. Еще о славяно-болгарских древностях IX века. BS, v. 12, 1951, стр. 75—93. Ему принадлежит также специальная работа об «Ответях»: Iv. Dujčev. Die Responsa Nicolai I. Papae ad consulta Bulgarorum als Quelle für die bulgarische Geschichte. «Festschrift des Haus-, Hof- und Staatsarchivs», Bd. I, 1949, S. 349—362.

⁹¹ Кр. Миятев. Славянский город в древней Болгарии. BS, v. 10, 1949, стр. 259—267.

⁹² Д. Сончев. Traits caractéristiques dans la construction des fortresses bulgares et byzantines aux temps féodaux. BS, v. 16, 1955, p. 265—269.

⁹³ М. Гуони. La transhumance de Vlaques balkaniques au Moyen âge. BS, v. 12, 1951, p. 29—42.

⁹⁴ См., например, М. Гуони. L'œuvre de Kekaumenos sources de l'histoire roumaine. «Revue d'histoire contemporaine», v. 23, 1945; его же. L'évêché vlaque de l'archevêché bulgare d'Achris aux XI-e et XIV-e siècles. «Études Slaves et Roumaines», v. I, 1948; его же. Les Vlaques de Mont Athos au début du XII-e siècle, ibidem.

Комнину, грамоты и т. п.) для характеристики скотоводства влахов и их роли в организации транспорта.

Мы рассмотрели далеко не все работы, опубликованные в «Byzantinoslavica» за 10 лет (1947—1956), но и сказанного достаточно, чтобы представить себе, сколь разнообразна тематика журнала и сколь значителен вклад его в развитие византиноведения. Можно спорить с одними авторами, можно упрекать других в неточностях, но нельзя не видеть, что «Byzantinoslavica» является одним из ведущих журналов современной византистики. Нам хотелось бы в заключение лишь пожелать, чтобы в дальнейшем проблемы социальной истории и истории духовной жизни Византии встретили в журнале еще больше внимания.

А. П. Каждан

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В БОЛГАРИИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

(Публикации 1946—1956 гг.)

Земли, которые входят в границы Болгарии, играли значительную экономическую и политическую роль в истории Византийского государства. Они являлись одной из наиболее важных составных частей Восточной Римской империи (IV—VI вв.), будучи расположенными недалеко от новой столицы империи — Константинополя. До создания Болгарского государства (конец VII в.) здесь разыгрывается ряд политических событий, которые имели немалое значение для развития Византии. Археологические находки от этого периода многочисленны и весьма разнообразны.

Для восточнобалканских земель — это эпоха разложения рабовладельческого строя. Переходный характер периода ощущается и в памятниках материальной культуры, где, хотя и не полностью, исчезло римское, античное, но уже появляются элементы искусства и культуры, характерные для средневековья. Упомянутые памятники, к сожалению, исследованы у нас с этой точки зрения пока еще недостаточно, для того, чтобы мы могли составить себе вполне отчетливое представление о чрезвычайно важном этапе в развитии культуры в болгарских землях в середине первого тысячелетия нашей эры.

Среди сохранившихся памятников преобладают остатки фортификационных сооружений, которые возводились в период ранневизантийского господства на нижнедунайской границе, а также в многочисленных городах, селах и крепостях, многие из которых, несмотря на нападения готов, гуннов, сарматов и др., не были уничтожены в течение IV—VI вв. К этому необходимо прибавить и остатки зданий, а также многочисленные базилики и церкви, которые были построены во Фракии, Мизии, Дакии после утверждения христианства как официальной религии. Напомним еще о надписях, а также и о большом количестве найденных монетных кладов и об отдельных находках земледельческих орудий. Наконец (но, конечно, не на последнем месте по значению), стоят памятники искусства (скульптурные произведения, живопись, мозаика и др.), хотя количество их по сравнению с периодом античности значительно уменьшилось.

После создания болгарского государства (681 г.) количество собственно византийских находок, естественно, уменьшается. Они теперь ограничиваются надписями, монетами, моливдовулами, и то главным образом от периода византийского владычества в Болгарии (1018—1186). Однако, влияние Византии в различных областях экономической, политической и